
Проблема восприятия в современной аналитической философии сознания

© 2020 г. А.А. Гусев*

*Институт философии Российской академии наук,
Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12.*

E-mail: sanya.cfg@yandex.ru

Поступила 19.04.2020

Статья посвящена «проблеме восприятия», в рамках которой реалистические интуиции о природе перцептивного опыта сталкиваются со скептическими выводами аргументов, базирующихся на случаях перцептивных иллюзий и галлюцинаций. Данная проблема имеет свои корни в философии Нового времени, но ее современная трактовка обладает рядом особенностей, характерных именно для современной аналитической философии сознания. К примеру, автор рассматривает данный вопрос через призму объяснения феноменальных характеристик сознательного опыта. Кроме того, эта проблематика эксплицируется через антиномию Дж. Валберга под названием «головоломка опыта». Представлен подробный анализ аргументов от иллюзии и галлюцинации в качестве ядра скептической части антиномии. Данные аргументы известны в истории аналитической философии тем, что на их основе философы предлагали в качестве главной концепции восприятия теорию чувственных данных. Эта концепция обладала недостатками как метафизического характера, так и эпистемологического. Первый недостаток связан с самим статусом чувственных данных как ментальных объектов, а второй раскрывается на фоне проблемы познания внешнего мира и «завесы восприятия». В статье анализируются преимущества и недостатки основных альтернативных концепций восприятия – репрезентационализма и дизъюнктивизма. В заключение автор отмечает перспективность дизъюнктивистского подхода к аргументу от галлюцинации, а также делает предположение о том, что главным критерием для установления «победившей концепции» является совместимость с более широким проектом натурализации сознания, разворачивающимся в аналитической философии уже многие десятилетия.

Ключевые слова: философия сознания, философия восприятия, проблема восприятия, интенциональность, прямой реализм, репрезентационализм, чувственные данные, дизъюнктивизм.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–11–200–210

Цитирование: Гусев А.А. Проблема восприятия в современной аналитической философии сознания // Вопросы философии. 2020. № 11. С. 200–210.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–311–90030 «Проблема восприятия в современной аналитической философии сознания».

The Problem of Perception in Modern Analytical Philosophy of Mind

© 2020 Alexander A. Gusev*

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.*

E-mail: sanya.cfg@yandex.ru

Received 11.05.2020

This article deals with “the problem of perception”, in which realistic intuitions about the nature of perceptual experience encounter skeptical conclusions of arguments based on cases of perceptual illusions and hallucinations. This problem has its roots in the philosophy of modern time, but its modern interpretation has a number of features that are characteristic of the current analytical philosophy of mind. For example, the author examines this issue through the prism of explaining the phenomenal characteristics of conscious experience. The author explicates this issue through the antinomy of J. Valberg called «the puzzle of experience». He examines in detail the arguments against illusion and hallucination as the core of the skeptical part of the antinomy. These arguments are known in the history of analytical philosophy for the fact that, on their basis, philosophers proposed the sense-data theory as the main theory of perception. This theory was flawed both metaphysically and epistemologically. The first drawback is associated with the very status of sensory data as mental objects, and the second is revealed against the background of the problem of cognition of the external world and the “veil of perception”. The author identifies the key assumptions underlying these arguments and demonstrates that they are not enough to establish the truth of the sense-data theory. Further, in the article analyzes the advantages and disadvantages of the main alternative conceptions of perception, offered as a response to these arguments – sense-data theory, representationalism and disjunctivism. In conclusion, the author notes promise of a disjunctivistic approach to the argument against hallucination, and also makes assumption that the main criterion for establishing a “winning conception” is compatibility with a wider project on the naturalization of consciousness, which was started in analytical philosophy many decades ago.

Keywords: philosophy of mind, philosophy of perception, the problem of perception, intentionality, direct realism, representationalism, sense-data, disjunctivism.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–11–200–210

Citation: Gusev, Alexander A. (2020) “The Problem of Perception in Modern analytical Philosophy of Mind”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 11 (2020), pp. 200–210.

Не будет преувеличением сказать, что низвержение британского идеализма Дж. Муром и Б. Расселом является одним из ключевых моментов для становления аналитической философии. В своей знаменитой статье 1903 г. «Опровержение идеализма» Мур критикует некоторые положения, которые, как он считал, разделяли так называемые абсолютные идеалисты, например, Ф.Г. Брэдли и Дж. Э. Мак-Таггарт, чьи идеи были господствующими в британской философии в конце XIX – начале XX в. [Moore 1993].

* The reported study was funded by RFBR, project No. 19–311–90030 “The problem of perception in modern analytical philosophy of mind”.

Его выступление заключалось в попытке опровержения давнего тезиса Дж. Беркли – «esse est percipi», согласно которому «быть, значит быть воспринимаемым» [Грязнов 2006, 52]. В качестве альтернативы Мур предложил рассматривать перцептивный опыт в терминах анализа «акт – объект», в рамках которого устанавливается возможность отдельного существования объекта от воспринимающего субъекта [Robinson 1994, 182]. Модель «акт – объект» Мура можно сформулировать следующим образом: анализируя конкретное ощущение, мы выделяем в нем две конститuentы: (1) акт знакомства, осознания или схватывания объекта ощущения и (2) сам этот объект, являющийся экзистенциально независимым от разума. В лекциях 1910–1911 гг., опубликованных потом в виде монографии под названием «Некоторые основные проблемы философии», Мур определяет чувственные данные как непосредственные объекты восприятия [Moore 2013, 30]. Подобная концептуальная схема оказалась крайне удачным фундаментом для возрождения старых скептических интуиций, которые сформировались в семейство аргументов под именем «аргумент от иллюзии». История аналитической философии сложилась таким образом, что теория чувственных данных не смогла долго находиться в статусе главной концепции восприятия, но теоретический интерес к аргументу от иллюзии и галлюцинации вновь возник во второй половине двадцатого в связи с проблемой восприятия.

Квалиа и феноменальный характер опыта

В современной аналитической философии сознания ключевую роль играет понятие квалиа (qualia), которое может использоваться в разных значениях. Например, если мы рассматриваем узкое значение, то, выражаясь словами К. Фрэнкиша, речь идет о *классической концепции квалиа* (КК): «[И]нтроспектируемые квалитативные свойства опыта, являющиеся внутренне присущими, невыразимыми и субъективными» [Frankish 2012, 668]. Однако принятие КК так же, как и в случае с чувственными данными, может привести к разновидности дуалистической онтологии [Чалмерс 2015; Jackson 1982], что для многих натуралистически настроенных аналитиков было неприемлемо. Несмотря на перечисленные характеристики классических квалиа, в современной философии сознания они часто сначала определяются в нейтральном ключе – как «феноменальный характер опыта» в терминах Т. Нагеля [Nagel 1974, 436]. «Каково это» видеть цвет, слышать звук, чувствовать боль, испытывать эмоции. Данное понятие является более широким и менее содержательным в своих метафизических и эпистемологических характеристиках, поэтому и может служить нейтральным экспланандумом.

Проблема восприятия и «головоломка опыта»

В литературе «проблема восприятия» обычно представляется как классическая философская проблема, основывающаяся на феноменах иллюзии и галлюцинации в их отношении к нашей обыденной концепции восприятия, как непосредственному контакту с независимыми от сознания материальными объектами внешнего мира. Ее можно трактовать как в эпистемологическом, так и в метафизическом ключе.

Эпистемологическая интерпретация (ЭИ). Если иллюзии и галлюцинации возможны, то как мы можем обладать знанием о независимом от разума мире?

Метафизическая интерпретация (МИ). Если иллюзии и галлюцинации возможны, то как мы можем быть уверены, что объекты достоверного перцептивного опыта являются независимыми от разума материальными объектами?

ЭИ касается вопроса природы непосредственных объектов опыта и их роли в обосновании знания о независимом от разума материальном мире. Эта интерпретация в первую очередь связана с тем, что называют *эпистемологическим прямым реализмом* [Thompson 2008, 386]. В историческом плане обсуждение схожей проблемы можно обнаружить в уже упомянутых работах Дж. Мура. МИ относится к *метафизическому прямому реализму*, именно он в большей степени находится в центре внимания

современных дебатов вокруг прямого реализма, аргумента от иллюзии и галлюцинации. В обсуждении прямого реализма часто оправдано смешивается его эпистемологическая и метафизическая составляющие, поскольку сложно отрицать тесные отношения эпистемологии и метафизики в целом.

Основания, фундирующие проблему восприятия, можно эксплицировать через антиномию Дж. Валберга под названием «головоломка опыта» [Valberg 1992]. Она выражается через совмещение двух конфликтующих положений.

«Открытость своему опыту». Когда мы пытаемся рефлексировать о том, чем являются представленные нам объекты визуального восприятия, то на основании того, как они даны в опыте, мы склонны сделать вывод, что в нем нам представлены *внешние объекты*, независимые в своем существовании от нашего сознания. Например, такие партикулярии, как столы, деревья, другие люди и т.д.

«Проблематичное рассуждение». Если продолжить размышлять о том, чем является визуальное восприятие с точки зрения собирательного образа науки, основанного на некоторых общепризнанных в наше время фактах о феномене визуального восприятия, то можно прийти к выводу, что в перцептивном опыте нам представлены не внешние, а *внутренние объекты*, которые являются зависимыми в своем существовании от перцептивного акта [Ibid., 9–11].

Как поясняет Валберг, вторая компонента антиномии основывается на «каузальной картине опыта», заключающейся в упрощенной трактовке нейрофизиологических фактов о феномене восприятия [Ibid., 10]. Сами эти факты еще не являются философской теорией, но, по мнению Валберга, когда мы начинаем размышлять в определенном ключе о том, что имплицитно содержится в этой каузальной картине опыта, то мы вступаем на путь философского рассуждения. Например, обратившись к мысленному эксперименту, в котором такое могущественное существо, как Бог, непрерывно поддерживает активность нашего мозга определенного вида без какого-либо объекта. Я хотел бы обратить внимание на следующие моменты. Во-первых, вот как сам Валберг, вдохновляясь Хайдеггером, комментирует возвращение к открытости опыту после проблематичного рассуждения: «Переход от научного осмысления нашего опыта (например, проблемных рассуждений) к установке, в которой мы просто открываемся нашему опыту, это как прыжок, который возвращает нас обратно в мир; назад, где мы находимся и были все это время...» [Ibid., 33]. Хотя в пассаже используется довольно лаконичная и красивая метафора, но все же ее использование ведет к некоторой неопределенности относительно того, что считать «открытостью опыту». Поэтому я попробую ограничить «открытость опыту» тем, что в литературе по аналитической философии восприятия называют тезисом прозрачности опыта (ТПО): если в рамках интроспекции мы попытаемся направить внимание на сам опыт, вне его отношения к объектам, представленным в нем, то мы обнаружим лишь эти же объекты и их свойства. Он был введен в дискуссии вокруг квалиа и феноменального характера опыта Г. Харманом [Harman, 1990, 39], но с определенными поправками похожую идею можно обнаружить еще у Дж. Мура [Moore 1993, 41].

Хотя апелляция к прозрачности опыта обычно используется для поддержки репрезентационалистских концепций восприятия [Гусев, 2019] и против разновидности классической концепции квалиа [Harman 1990], но она вполне совместима и с поддержкой прямого реализма [Martin 2002; Kennedy 2007]. Возможно, в рассуждениях Валберга присутствует эквивокация. В первой части «внешние объекты» конституируют или составляют перцептивный акт, а во второй являются его причиной. Поэтому не очевидно, что скачок, в котором мы отождествляем «внешний объект» из первой части антиномии с «внешним объектом» из второй, действительно оправдан. В связи с этим я полагаю, что для того, чтобы проблематичное рассуждение «было точно в цель», нужен другой аргумент, не отсылающий к проблематике каузальности, например, аргумент от иллюзии и галлюцинации.

Главные допущения, лежащие в основании аргумента от иллюзии и галлюцинации

Аргумент от иллюзии и галлюцинации сыграл важную роль в развитии теории чувственных данных в первой половине XX в. В связи с историческим аспектом этой темы ключевыми фигурами являются такие мыслители, как Г. Прайс, Ч. Брод и А. Айер, испытавшие большое влияние идей Мура и Рассела. Перейдем к выделению наиболее универсальных допущений, лежащих в основании собирательного образа аргумента, и рассмотрению его структуры.

Первым допущением, которое я выделю, будет так называемый *феноменальный принцип*. Сам термин был введен уже в наше время Г. Робинсоном, современным апологетом теории чувственных данных, но схожие тезисы можно обнаружить и у Прайса, Брода, Айера. Феноменальный принцип (ФП): «если субъекту чувственно является что-то, обладающее особым чувственным качеством, тогда существует нечто, о чем осведомлен субъект, обладающее этим чувственным качеством» [Robinson 1994, 32]. Принцип выражает простую идею о том, что независимо от того, является ли наш перцептивный опыт достоверным или иллюзорным (галлюцинаторным), мы находимся в отношении знакомства с чем-то, что обладает определенными актуальными характеристиками. Стоит отметить, что ФП отчасти паразитирует на «акт – объект» модели, поскольку она рассматривает акт восприятия как отношение, в котором оба релята существуют в буквальном значении.

Следующее допущение: *неразличимость достоверного и иллюзорного (галлюцинаторного) опыта*. Во многих вариациях аргумента, где делается вывод о том, что на самом деле мы всегда воспринимаем лишь чувственные данные, а не сами материальные объекты, важную роль играет предположение о том, что достоверный, иллюзорный и галлюцинаторный опыты сложно различить изнутри, без привлечения знаний о прошлом опыте или какого-то общего теоретического бэкграунда.

Принцип качественной неразличимости (ПКН). Иллюзии и галлюцинации качественно неотличимы от достоверного опыта. Возможны споры по поводу степени неразличимости уже между иллюзией и галлюцинацией, а также универсальности данного принципа, но он отражает достаточно правдоподобное положение, которое сложно отбросить на основании какого-то априорного возражения. ПКН состоит в тесных отношениях обоснования с принципом общего вида.

Принцип общего вида (ПОВ). Неразличимые в своем феноменальном характере восприятия, галлюцинации и иллюзии имеют одинаковую природу. Как пишет Айер, «когда я смотрю на прямую палку, которая выглядит в воде изогнутой, то мой опыт качественно такой же, как если бы я смотрел на палку, которая действительно изогнута... Но утверждается, что если наше восприятие было иллюзорным, то мы всегда воспринимали что-то отличное от того, что мы воспринимали, когда опыт был достоверным, тогда мы в праве ожидать, что наш опыт будет качественно отличаться в обоих случаях» [Ayer 1940, 6]. Кажется вполне правдоподобным то, что такое сходство не может быть у совершенно различных по своей природе онтологических категорий. Можно найти другие формулировки этого принципа, но все они имеют одну общую черту – связь с ПКН и важную роль в обобщающей стадии аргумента. Робинсон проясняет отношение между ПКН и ПОВ следующим образом: «Вещи могут быть качественно подобными, только если они принадлежат одному общему виду и имеют одинаковый онтологический статус» [Robinson 1994, 88]. Другими словами, принадлежность каких-то объектов к одному общему виду и обладание одинаковым онтологическим статусом являются необходимым условием для их качественного тождества. Правда, если это тезис преподносится как общий принцип, то несложно найти контрпример. Еще в 60-х знаменитый критик теории чувственных данных Дж. Остин предложил ироничное опровержение схожей предпосылки своих оппонентов: «Если мне говорят, что лимон в целом отличается от кусочка мыла, могу ли я ожидать, что ни один кусочек мыла не будет выглядеть так же, как лимон?» [Austin 1962, 49]. Исходя

из ряда подобных возражений, Робинсон ограничивает данный принцип до случаев ментальных состояний в духе Беркли: «Нечто может быть качественно похожим на ментальный элемент, только если это нечто само является ментальным элементом» [Robinson 1994, 88]. Данный ход удобен тем, что делает возражения в стиле Остина простыми аналогиями, а не контрпримерами.

Прямой реализм

Как было отмечено, «представленность объектов в опыте» из первой компоненты «головоломки опыта» следует трактовать в конститутивном, а не каузальном смысле. В связи с этим можно использовать метафору М. Мартина – *объекты, представленные в перцептивном опыте, формируют его контуры* [Martin 2004, 64]. Для иллюстрации конститутивного использования «формирования» У. Фиш использует пример с холмами, которые формируют контуры ландшафта, фактически являясь ими [Fish 2009, 6]. Таким образом, согласно формулировке Фиша, позиция прямого или наивно-го реализма будет выглядеть так:

В актах перцептивного опыта, например, визуального опыта – субъект знакомится с элементами презентации, являющимися свойствами независимых от разума объектов, где под «знакомством» подразумевается нередуцируемое ментальное отношение субъекта к той части окружающей среды, на которую направлен его взгляд. Более того, феноменальный характер опыта отождествляется с этим отношением знакомства [Ibid., 14–15].

В данной позиции совмещаются черты как эпистемологического прямого реализма, поскольку «знакомство» является непосредственным познавательным доступом к отдельным партикуляриям, так и метафизического, ведь эти партикулярии приобретают вполне определенный онтологический статус.

Аргумент от иллюзии

В большинстве обсуждений аргумента от иллюзии, особенно теоретиками чувственных данных, речь идет о перцептивных ошибках или конфликтующих явлениях. Разнообразие конкретных примеров не вызывает сомнения: здесь и монетка, выглядящая круглой с одной точки зрения и эллиптической с другой; палка, которая видится согнутой, когда ее помещают в воду; случаи зеркальных изображений и т.д. Рассмотрим ситуацию с частично помещенной в воду палкой. Роль этого примера для аргумента от иллюзии весьма проста. Стартовой позицией предполагается, что палка – обычный материальный объект, обладающий, грубо говоря, свойством «быть прямой вещью», но при помещении в воду она может выглядеть так, словно обладает свойством «быть согнутой вещью». Также предполагается, что сама палка, как независимый от воспринимающих людей «материальный объект», не стала согнутой при помещении в воду. В таком случае перцептивный опыт содержит объект, который не может быть материальным объектом, поскольку он не может быть одновременно согнутым и прямым. Если в случаях иллюзорного опыта субъекту представлен материальный объект иначе, чем он есть на самом деле, то в этом случае опыт не конституируется материальным объектом.

1. Если в случаях иллюзорного опыта субъекту представлен материальный объект иначе, чем он есть на самом деле, то тогда в этом случае опыт не конституируется материальным объектом.
2. В случаях иллюзорного опыта субъекту представлен материальный объект иначе, чем он есть на самом деле.
3. Если в случаях иллюзий опыт не конституируется материальным объектом, то тогда ПР ложен в случаях перцептивных иллюзий.
4. Следовательно, прямой реализм ложен в случаях перцептивных иллюзий.

Такие посылки, как (1), поддерживаются апелляцией к закону Лейбница, согласно которому, если два объекта обладают различными свойствами, то они не могут быть одной вещью [Robinson 1994, 32]. Посылка (2) отсылает к обобщению случая с палкой в воде на другие ситуации с иллюзорным перцептивным опытом. Посылка (3) демонстрирует достаточное условие ложности ПР для ситуаций перцептивных иллюзий. Данная формулировка является негативной, но сторонники теории чувственных данных могли бы предложить позитивное развитие аргумента.

1. Тем не менее в иллюзорном опыте субъекту представлен какой-то объект, не являющийся материальным – чувственные данные (феноменальный принцип).
2. В случаях иллюзорного опыта также присутствует феноменальный характер – «каково это переживать иллюзорный опыт».
3. Если это так и при этом в иллюзорном опыте субъекту представлены чувственные данные, то тогда феноменальный характер опыта в случаях иллюзий является отношением знакомства с чувственными данными.
4. Следовательно, феноменальный характер опыта в случаях иллюзий является отношением знакомства с чувственными данными.

Дальнейший ход пропонента аргумента может заключаться в *этапе распространения* ложности ПР на все случаи перцептивного опыта через апелляцию к кажущейся эмпирической преимственности между достоверным и иллюзорным опытом. Таким образом, поскольку между иллюзорными и достоверными элементами существует качественное сходство и преимственность, постольку и случаи достоверного опыта являются не знакомством с независимыми от разума материальными объектами, а с чувственными данными в современной трактовке. Это нефизические, приватные, ментальные партикулярии, обладающие чувственными качествами (вроде цвета, формы, громкости и т.д.), с которыми субъект состоит в непосредственных отношениях осведомленности или знакомства [Ibid., 1–2].

Со временем философам-аналитикам стало понятно, что аргумент от иллюзии гораздо слабее, чем мог показаться современникам Прайса, Айера и Бруда. Во-первых, внутренняя качественная неразличимость иллюзорных и достоверных восприятий достаточно сомнительна, поскольку, к примеру, сложно поверить в то, что помещенная в воду палка выглядит как настоящая сломанная палка. Во-вторых, хотя Дж. Остин в своей знаменитой критике чувственных данных атаковал то, что можно назвать эпистемологической версией аргумента, тем не менее одно из его возражений подходит и для представленной версии. Остин указывал на то, что его оппоненты (в частности Айер) смешивают понятия «иллюзия» и «заблуждение» [Austin 1962, 25]. Это связано с тем, что описываемые случаи иллюзии интерпретируются как ситуации *обмана субъекта его чувствами*. Остин считал, что это лишь метафора, а сами чувства не могут быть истинными или ложными [Ibid., 11]. К тому же эти ситуации просто не являются иллюзиями в указанном смысле, ведь в них мы обычно не склонны считать себя «обманутыми» – все они кажутся достаточно знакомыми и предсказуемыми [Ibid., 26].

Аргумент от галлюцинации

Данный аргумент считается более сильной версией аргумента от иллюзии, лишенной некоторых его дефектов. Во-первых, базовые проблемные случаи для прямого реализма, выдвигаемые в рамках аргумента от галлюцинации, являются менее спорными, чем иллюзии. В галлюцинаторном перцептивном опыте по определению отсутствует материальный объект, с которым субъект мог бы находиться в отношениях знакомства. Во-вторых, похоже, что именно галлюцинации являются неотличимыми от достоверного восприятия с позиции субъекта [Fish 2009, 33]. Можно сформулировать аргумент для ситуаций совершенных галлюцинаций, когда все объекты, представленные через разные модусы восприятия, являются галлюцинаторными. Как минимум эта ситуация концептуально мыслима.

1. Если прямой реализм (ПР) верен для конкретного вида перцептивного опыта, то в нем субъект находится в отношениях знакомства с независимыми от разума материальными объектами.
2. В случаях совершенных галлюцинаций субъект не может находиться в отношениях знакомства с независимыми от разума объектами.
3. Следовательно, ПР не верен для случаев совершенных галлюцинаций.
4. В случае совершенной галлюцинации субъект обладает опытом, внутренне неотличимым от достоверного.
5. Если это так и ПР не верен для случаев совершенных галлюцинаций, то тогда ПР ложен и для случаев достоверного опыта.
6. Следовательно, ПР ложен и для случаев достоверного опыта.

Посылка (1) формулирует необходимое условие для истинности ПР. Посылка (2) поддерживает возможность случаев совершенных галлюцинаций. Посылка (4) базируется на принципе качественной неразличимости, а (5) – на ее роли в обосновании этапа распространения вывода со случаев галлюцинаций на случаи достоверного опыта. Данная формулировка является полностью негативной, но можно так же, как и в аргументе от иллюзии, применить феноменальный принцип вместе с требованием объяснения природы феноменального характера опыта, который, согласно гипотезе, присутствует в случаях галлюцинаций. Вспомним, что принцип общего вида в обновленной форме основывается на том, что какой-то элемент может быть похожим на ментальный, только если он сам является ментальным. Таким образом, в рамках позитивной стадии аргумента можно вновь развивать теорию чувственных данных как альтернативную концепцию восприятия.

Разумеется, в истории аналитической философии теорию чувственных данных критиковал не только Остин. У. Барнс, например, указывал на другие проблемы данной концепции. Во-первых, в ней подразумевается излишне либеральный критерий для выделения отдельных экземпляров чувственных данных. Из-за этого мы можем оказаться с хаотично раздутой онтологией, ведь любое явление, каким бы мимолетным оно ни было, может претендовать на существование [Barnes 1945, 144]. Во-вторых, похоже, что подобные объекты не всегда удовлетворяют закону исключенного третьего. Например, когда кто-то рассматривает объект на расстоянии, бывает так, что он не уверен, является ли этот объект круглым или многоугольным, но каждое чувственное данное является именно таким, каким оно воспринимается [Ibid., 145]. Эти и другие схожие проблемы, связанные с теорией чувственных данных, демонстрируют, что даже если прямой реализм ложен, то теория чувственных данных все равно может быть не принята из-за неудобных метафизических следствий. Кроме того, у ее непринятия есть и эпистемологические мотивы: в лучшем случае из нее следует косвенный реализм и то, что называется *завесой восприятия* [Bennet 1971]. Тогда такие сущности, как чувственные данные, становятся посредниками между нами и миром, знание о котором мы получаем через абдуктивный вывод, как «наилучшее доступное объяснение» [Fish 2010, 21]. Ну а в случае наихудшего объяснения нам придется принять разновидность субъективного идеализма и все связанные с ним теоретические проблемы.

Далее я кратко рассмотрю наиболее распространенные в современной литературе альтернативные концепции восприятия, представленные как попытки ответа на аргумент от галлюцинации.

Альтернативные концепции восприятия

Репрезентационализм. Данный взгляд является одним из доминирующих подходов к объяснению перцептивного опыта в современной аналитической философии восприятия. Будем использовать термины «интенционализм» и «репрезентационализм» как синонимы, хотя между ними есть теоретически важные различия, тем не менее это не влияет на обсуждение рассматриваемой темы. Под «интенционализмом» я буду подразумевать комбинацию интенционалистского и редуктивного тезисов.

Все перцептивные состояния характеризуются интенциональной направленностью субъекта на содержание (обычно пропозицию), которое репрезентирует вещи в мире как существующие определенным образом. Феноменальный характер конкретного перцептивного состояния полностью или частично объясняется репрезентативным содержанием – представленными объектами, их свойствами и отношениями между ними. Важной особенностью такого подхода является отношение интенциональности между субъектом и содержанием, которое не нуждается в существовании объектов репрезентативного содержания. Как писал Р. Чизолм, «Диоген мог бы искать честного человека, даже если бы не существовало честных людей» [Chisolm 1952, 169]. Другими словами, интенциональность является квази-отношением, но эта особенность может пригодиться для ответа на аргумент от галлюцинации. Например, в рамках интенционализма можно отрицать феноменальный принцип и «акт – объект» модель, сохраняя при этом принципы неразличимости и общего вида. У достоверного опыта и галлюцинаций есть что-то общее – они качественно неразличимы изнутри и обладают репрезентационным содержанием, но в случае галлюцинаций содержание, с которым субъект состоит в отношении интенциональной направленности, существенно отличается от содержания достоверного опыта.

Для *сингулярного интенционализма* возможны как минимум два варианта такого различия. Согласно этой позиции, в достоверном опыте содержание выражается сингулярной пропозицией. Это означает, что в содержание входят инстанцированные свойства конкретной материальной партикулярии. Например, ситуация, в которой субъект имеет визуальный опыт красного яблока, будет выражаться через интенциональное отношение субъекта к сингулярной пропозиции. В случае же галлюцинаторного аналога такого опыта субъект находится в интенциональном отношении к неинстанцированным свойствам, составляющим общую пропозицию [Pautz 2007, 498]. Другими словами, в достоверном опыте воспринимаются свойства в комплекте с конкретным материальным объектом, что сохраняет важную интуицию прямого реализма, а в галлюцинаторном субъект воспринимает лишь свойства без конкретной материальной партикулярии, что может объяснить, почему принцип качественной неразличимости выглядит правдоподобным.

Другой популярной разновидностью интенционалистского ответа является апелляция к понятию «интенциональный объект». В рамках сингулярного интенционализма это можно интерпретировать как объяснение галлюцинаторного опыта через нематериальные партикулярии, но не прибегая к таким ментальным сущностям, как чувственные данные. Например, Г. Харман действует в похожем ключе, обращаясь к истории про конкистадора Понсе Де Леона, прибывшего во Флориду в поисках фонтана вечной молодости. Если такого объекта нет в реальности и он не может быть лишь «идеей» фонтана, то, согласно Харману, путешественник искал интенциональный объект [Harman 1990]. Таким образом, если интерпретировать эту ситуацию в терминах сингулярного интенционализма, то как в достоверном, так и в галлюцинаторном (иллюзорном) опыте содержание выражается через сингулярную пропозицию. В первом случае субъектные места занимают материальные партикулярии, а во втором интенциональные объекты.

Стоит прояснить разницу между репрезентационализмом (интенционализмом) и прямым реализмом. Репрезентационализм говорит случаях достоверного опыта о независимых от разума объектах, но это не отношение прямого контакта с конкретными партикуляриями, как в концепции прямого реализма. Это более слабая разновидность «завесы восприятия», поскольку между субъектом и самими вещами стоит репрезентация. Контуры сознательного опыта субъекта будут формироваться не буквальным ландшафтом мира, а скорее тем, как мир репрезентирован опытом [Fish 2009, 14]. Это можно расценивать как то, что в рамках репрезентационализма мы все равно не находим исчерпывающего ответа на эпистемологический аспект проблемы восприятия.

Дизъюнктивизм. Несмотря на силу аргумента от галлюцинации и теоретические преимущества репрезентационализма над теорией чувственных данных, в среде аналитических философов вернулся серьезный интерес к прямому реализму. Это связано с появлением в дискуссиях о природе восприятия дизъюнктивистских концепций,

которые обычно преподносятся как обновленные версии прямого реализма, сконструированные в качестве ответа на аргументы от иллюзии и галлюцинации.

Возможность такой позиции можно обнаружить еще в работах Айера и Остина. Как подмечает Фиш, Айер считал, что нет ничего противоречивого в том, чтобы качественно неразличимые объекты могли бы не принадлежать к одному виду вещей [Fish 2009, 34]. Дальнейшую разработку подобной интуиции предпринял Дж. Хинтон, предложив интерпретацию таких выражений, как «Я, кажется, вижу вспышку света». По его мнению, это просто более компактный способ сказать, что «либо я вижу вспышку света, либо это иллюзия вспышки» [Hinton 1967]. Именно поэтому позиция имеет такое название.

В современной литературе можно встретить много вариантов дизъюнктивистских концепций восприятия [Иванов 2019], но все они, как правило, принимают вывод о ложности прямого реализма в рамках галлюцинаций. Делая это, они, тем не менее, блокируют стадию распространения, что позволяет сохранить истинность прямого реализма для случаев достоверного опыта. Таким образом, когда проponentы позитивной стадии аргумента пытаются использовать качественную неразличимость для того, чтобы показать существование только одного вида объектов перцептивного опыта (например, чувственных данных), современные дизъюнктивисты не концентрируют внимание на том, что могут существовать разные виды объектов восприятия, а идут дальше, утверждая, что достоверные и галлюцинаторные состояния являются двумя разными видами опыта по своей природе [Fish 2009, 34–36]. Можно сказать, что в рамках дизъюнктивизма галлюцинации даже не являются разновидностью восприятия.

Субъект имеет перцептивный опыт какого-то свойства, тогда и только тогда, когда (а) воспринимает это свойство в достоверном опыте либо (б) переживает галлюцинацию [Fish 2010, 88]. Но как дизъюнктивизм объяснит природу галлюцинаторного опыта? Каковы его конституенты? Обладает ли он феноменальным характером в том же смысле, что и достоверный опыт? На мой взгляд, дизъюнктивисты не обязаны разрабатывать ответы на эти вопросы, поскольку если им удалось оспорить принцип общего вида и сохранить истинность прямого реализма для достоверного опыта, то их главная теоретическая цель достигнута. Тем не менее относительно данных вопросов можно выделить по крайней мере два вида дизъюнктивистских ответов: *негативный* и *позитивный*.

Один из вариантов негативного дизъюнктивизма развивает М. Мартин [Martin 2004]. Он полагает, что природа галлюцинаций заключается лишь в том, что это субъективно неотличимый от достоверного восприятия вид опыта. Он указывает на лауну между «феноменальной природой» опыта и его феноменальным характером: даже если достоверный опыт и галлюцинации имеют один и тот же «феноменальный характер», то они все равно могут отличаться по своей «феноменальной природе» [Martin 2002].

Сторонники позитивного дизъюнктивистского ответа, как правило, пытаются представить концепцию галлюцинаций в независимых от прямого реализма и достоверного опыта терминах. Логическое пространство для такого подхода достаточно широко. Как минимум для данной цели можно привлечь уже упомянутые концепции восприятия. Например, адаптировать теорию чувственных данных, тогда галлюцинаторный опыт будет видом сознательного опыта, в котором субъект находится в отношении знакомства с зависимыми и независимыми от разума нефизическими объектами. Также возможно объяснение галлюцинаторного опыта в интенционалистской оптике с привлечением уже рассмотренных вариантов трактовки понятия «содержание».

Заключение

Подводя итог рассмотрению концепций восприятия в их связи с аргументом от галлюцинации в частности и проблемой восприятия в целом, я делаю вывод, что наиболее перспективным подходом является дизъюнктивистский. Во-первых, он сохраняет истинность прямого реализма для случаев достоверного опыта. Во-вторых, в целом он нейтрален по поводу того, какой должна быть концепция галлюцинаторного опыта, что оставляет много места для теоретических маневров. На мой взгляд, дискуссии

о проблеме восприятия продолжатся именно в контексте сравнения объяснительных ценностей либо чистых форм репрезентационализма и дизъюнктивизма, либо их смешанных форм. Я полагаю, что главным критерием, устанавливающим победителя в этой «концептуальной схватке», окажется совместимость с современным проектом по натурализации сознания.

Ссылки – References in Russian

- Грязнов 2006 – Грязнов А.Ф. Аналитическая философия. М.: Высшая школа, 2006.
Гусев 2019 – Гусев А.А. Репрезентационализм и два тезиса прозрачности опыта // Философия науки и техники. 2019. Т. 24. № 1. С. 117–130.
Иванов 2019 – Иванов Д.В. Трудная проблема сознания и эпистемологический дизъюнктивизм Дж. Макдауэла // Вопросы философии. 2019. № 11. С. 104–114.
Чалмерс 2015 – Чалмерс Д. Сознание и ум. В поисках фундаментальной теории. М.: Либроком, 2015.

References

- Austin, John (1962) *Sense and Sensibilia*, Oxford University Press, Oxford.
Ayer, Alfred (1940) *The Foundations of Empirical Knowledge*, Macmillan, London.
Barnes, Winston (1945) “The Myth of Sense-Data”, *Proceedings of the Aristotelian Society*, Vol. 45, No. 1, pp. 89–118.
Bennet, Jonathan (1971) *Locke, Berkeley, Hume: Central Themes*, Oxford University Press, Oxford.
Chalmers, David (1996) *The conscious Mind: In search of a fundamental theory*, Oxford University Press, Oxford (Russian Translation 2015).
Chisholm, Roderick (1957) *Perceiving: A philosophical study*, Cornell University Press, Ithaca.
Fish, William (2009) *Perception, Hallucination, and Illusion*, Oxford University Press, Oxford.
Fish, William (2010) *Philosophy of Perception: A Contemporary Introduction*, Routledge, NY.
Frankish, Keith (2012) “Quining *diat qualia*”, *Consciousness and Cognition*, No. 21, pp. 667–676.
Gryaznov, Alexander F. (2006) *Analytic philosophy*, Vysshaya shkola, Moscow (in Russian).
Gusev, Alexander A. (2019) “Representationalism and two theses of experience transparency”, *Filosofiya nauki i tekhniki*, Vol. 24, No. 1, pp.117–130 (in Russian).
Harman, Gilbert (1990) “The intrinsic quality of experience”, *Philosophical perspectives*, Vol. 4, pp. 31–52.
Hinton, John (1982) “Visual Experiences”, *Mind*, No. 76, pp. 217–227.
Ivanov, Dmitriy V. (2019) “The hard problem of consciousness and John McDowell’s epistemological disjunctivism”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 11 (2019), pp. 104–114 (in Russian).
Jackson, Frank (1982) “Epiphenomenal qualia”, *Philosophical Quarterly*, Vol. 32, pp. 127–136.
Kennedy, Matthew (2009) “Heirs of nothing: The implications of transparency”, *Philosophy and Phenomenological Research*, Vol. 79, No. 3, pp. 574–604.
Martin, Michael (2002) “The Transparency of Experience”, *Mind and Language*, Vol. 17, pp. 376–425.
Martin, Michael (2004) “The Limits of Self-Awareness”, *Philosophical Studies*, No. 120, pp. 37–89.
Moore, George (1993) “The Refutation of Idealism”, *G.E Moore: Selected Writings*, ed. by T. Baldwin, Routledge, London, pp. 23–44.
Moore, George (2013) *Some Main Problems of Philosophy*, Routledge, London.
Nagel, Thomas (1974) “What is it like to be a bat?”, *Philosophical Review*, Vol. 83, pp. 435–450.
Pautz, Adam (2007) “Intentionalism and Perceptual Presence”, *Philosophical Perspectives*, Vol. 21, pp. 495–541.
Robinson, Howard (1994) *Perception*, Routledge, London.
Thompson, Brad (2008) “Representationalism and the argument from hallucination”, *Pacific Philosophical Quarterly*, Vol. 89, pp. 384–412.
Valberg, Jerome (1992) *The Puzzle of Experience*, Oxford University Press, Oxford.

Сведения об авторе

ГУСЕВ Александр Андреевич –
младший научный сотрудник
Института философии
Российской академии наук.

Author’s Information

GUSEV Alexander A. –
Junior researcher
at the Institute of Philosophy,
Russian Academy of Sciences.